

**ИСТОРИКО-
ФИЛОСОФСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА
В ИСТОРИИ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

81-5
3902 а

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема человека
в истории
марксистско-ленинской
философии

СВЕРДЛОВСК • 1980

Б. В. ЕМЕЛЬЯНОВ, А. В. ЕВТУШЕНКО

Г. В. Плеханов о проблеме человека (историко-философский анализ)

С именем Г. В. Плеханова связано дальнейшее развитие марксистской философии, ее распространение в России. Широко известны слова В. И. Ленина о том, что «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»¹.

Первый русский марксист делал чрезвычайно много для распространения и дальнейшего развития марксистской идеологии и прежде всего диалектико-материалистической философии. Наибольших успехов он достиг в разработке общесоциологической теории марксизма, во всем объеме содержащихся в ней проблем². Значение и сущность марксистских работ Г. В. Плеханова, помимо всего прочего, заключается также в отстаивании нового для России научного подхода к проблеме человека.

Одна из характерных особенностей теоретической деятельности Г. В. Плеханова заключалась в неразрывной слитности позитивного элемента в его работах с чрезвычайно сильной их критической заостренностью. И в этом нет ничего удивительного. Первому русскому марксисту приходилось пробивать дорогу новым научным философским и социальным взглядам, отстаивать их чистоту в борьбе с идеалистами и зарождавшимися ревизионистскими течениями. Уже первые работы, в которых Г. В. Плеханов подверг критике теоретические основы народничества, его философию и социологию, показали, что «друзья народа» встретились не просто с блестящим полемистом, знающим к тому же все слабости и «тайны» народнической идеологии, но с теоретиком, владеющим оружием диалектиче-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

² См.: Чагин Б. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. М., 1977.

ского анализа и знанием научных основ материалистического объяснения явлений природы и общества. Об этом говорит знакомство с одной из первых работ Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая в полемике с либеральными народниками пропагандировала и развивала материалистический взгляд на историю, на человека, его сущность и существование. Г. В. Плеханов считает проблему человека важнейшей, определяющей в марксистской философии. Развитие материалистического взгляда на историю и решение проблемы человека для Г. В. Плеханова — две стороны одного дела. Специфика человека как феномена материального мира, диалектика сущности и существования человека, необходимости и свободы, ряд других моментов рассмотрены в этой важнейшей работе Г. В. Плеханова. На содержании ее мы и остановимся.

Марксистскую концепцию человека Г. В. Плеханов излагает в последней, пятой главе — «Современный материализм», предпосылая ей «краткий очерк этого учения»: «Чтобы понять исторические взгляды Маркса, нужно припомнить, к каким результатам пришла философия и общественно-историческая наука в период, непосредственно предшествовавший его появлению»³. Как нам представляется, это первый в марксистской литературе опыт историко-философского анализа решения проблемы человека. Плеханову он служит, во-первых, доказательством того, что марксистское решение проблемы человека возникло не на пустом месте, а явилось продолжением и развитием лучших традиций предшествующей философии, а во-вторых, помогает понять истоки субъективно-идеалистических взглядов на проблему человека у «друзей народа», против которых и направлен пафос плехановской критики.

Предшественниками марксистского решения проблемы человека Г. В. Плеханов называет французских материалистов XVIII в., французских историков времен реставрации, социалистов-утопистов, классиков буржуазной политической экономии и немецкой классической философии. Основные моменты решения проблемы человека в каждом из названных течений характеризуются Г. В. Плехановым следующим образом.

Французские материалисты XVIII в. решают проблему человека новаторски, выдвигая ряд материалистических и чрезвычайно важных для дальнейшего развития проблемы положений. При этом «взгляд на человека, как на плод окружающей среды был главной теоретической основой новаторских требований французских материалистов»⁴. Важно отметить, что под окружающей средой они понимали не только природу,

³ Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Избр. филос. произв. В 5-ти т. М., 1956, т. 1, с. 608.

⁴ Там же, с. 513.

но и общество. Это обстоятельство перемещало центр тяжести их интересов к анализу законов общественного развития. Г. В. Плеханов констатирует: «Французские материалисты вплотную подошли к этой задаче, но не сумели не только разрешить ее, а даже правильно поставить»⁵.

Чем объясняется такой результат? Исходной позицией французских материалистов в решении проблемы человека был натурализм, объясняющий «природу человека», его сущность наличием неизменных биологических свойств, главные из которых — чувствительность и чувство самосохранения, стремление избежать страданий на путях достижения максимума наслаждений. Эти неизменные свойства, естественные потребности человека являются обнаружением неизменных закономерностей природы. Общество (общественная среда), в свою очередь, воздействует на человека посредством просвещения и воспитания, формируя язык и разум человека. Сознание является отличительной чертой человека. Человек познает природу, собственную сущность, определяет цель и смысл своего существования. Более того, человек преобразует природу и общество согласно представлениям, выработанным разумом.

Правда, французские материалисты попадают в замкнутый круг. «Когда у них заходила речь об историческом развитии человечества,— пишет Г. В. Плеханов,— они забывали своей сенсуалистический взгляд на «человека» вообще и, подобно всем «просветителям» того времени, твердили, что мир (т. е. общественные отношения людей) управляется мнениями»⁶. Возникла антиномия (мнения людей определяются средой; среда определяется мнениями), которая в рамках абстрактно-метафизического решения проблемы человека, вне анализа практической деятельности людей не могла быть разрешена теоретически.

Г. В. Плеханов обращает внимание на апологетически-буржуазный характер решения проблемы человека французскими материалистами XVIII в. «Человек», которого они имели в виду, отличался не только способностью к ощущению и мышлению: его «природа» требовала определенного буржуазного порядка (сочинения Гольбаха заключают в себе как раз те требования, которые впоследствии политически формулировались Учредительным собранием); она предписывала свободу торговли, невмешательство государства в имущественные отношения граждан (*lasser faire, laisser passer!*) и проч. и проч. Просветители смотрели на человеческую природу через призму данных общественных нужд и отношений. Но они не подозревали, что история поставила перед их глазами какую-то призму; они воображали, что их устами говорит сама «природа человека», поня-

⁵ Там же, с. 514.

⁶ Там же.

тая и оцененная, наконец, просвещенными представителями человечества»⁷.

Выясняя приращение знания о человеке, которое мы имеем в концепции французских материалистов, Г. В. Плеханов делает вывод, что некоторые из них вплотную подошли к объяснению общественного и умственного развития человечества его материальными нуждами, оставив эту идею «как бы завещанием» для мыслителей следующего века.

Французские историки времен реставрации (Гизо, Тьерри, Минье) в основном повторили указанные посыпки французских материалистов XVIII в. в решении проблемы человека, рассмотрев ее во взаимодействии категорий «гражданский быт (государственное устройство, имущественные, правовые, поземельные отношения) народа» и его «нравы». Однако «до крайности туманные ссылки на человеческую природу» не выводили их из сферы абстрактно-метафизического решения. Историки, как, впрочем, и классики буржуазной политической экономии, выступали защитниками буржуазного общественного устройства, якобы наиболее соответствующего человеческой природе.

Социалисты-утописты, по мнению Г. В. Плеханова, «всецело держатся антропологических взглядов французских материалистов. Точно так же, как материалисты, они считают человека плодом окружающей его общественной среды и точно так же, как материалисты, они попадают в заколдованный круг, объясняя изменчивые свойства среды неизменными свойствами человеческой природы»⁸. В отличие от предшественников социалисты-утописты все свои усилия направили на конкретизацию абстрактно-антропологических категорий, предположив возможность решения проблемы в рамках науки о человеческом обществе, которая, как считал Сен-Симон, может быть строгой, подобной естествознанию.

Для этого необходимо в первую очередь изучать факты прошлой жизни человечества, чтобы открыть законы его развития. Анализ духовной истории человечества привел Сен-Симона к установлению трех ее фазисов: телеологического, метафизического и позитивного. Плодотворность обращения к истории идей несомненна. Но на ее анализ накладывается традиционное положение — «мнения правят миром». В результате основная «законосообразность» развития человеческого общества не выводится за пределы сознания. Апелляция же к «природе человека» как последней инстанции и критерию исторического развития сводила на нет прогрессивные тенденции, намечавшиеся в теоретических поисках социалистов-утопистов. Они не смогли научно решить проблему человека. Поскольку природа человека, определяющая историю и законы этой истории,

⁷ Там же, с. 532—533.

⁸ Там же, с. 535.

по их мнению, неизменна, рекомендации социалистов не идут дальше утопических планов общественного переустройства, которые часто сводятся к далеким от научного обоснования «гигиеническим рецептам».

Немецкая классическая философия, прежде всего гегелевская, внесла в решение проблемы человека новый, чрезвычайно важный элемент — диалектику, идею развития. Это позволило признать изменчивыми «природу человека», человеческое общество. Более того, классики немецкой философии «понимали, что ключ к объяснению исторического движения человечества надо искать в не природе человека»⁹.

Удалось ли в результате введения новых методологических установок немецкой идеалистической философии разрешить вопрос о сущности человека? — спрашивает Г. В. Плеханов. Предпринятый им анализ убедительно доказывает, что не покинув абстракций, не перейдя от изучения природы человека к изучению природы общественных отношений, нельзя решить проблему человека, раскрыть его сущность. Решение проблемы человека немецкие идеалисты искали в свойствах духа, а это окольным путем возвращало к «природе человека», поскольку так или иначе понятая идея есть абсолютизация процесса человеческого мышления.

Решительный шаг на пути к научному решению проблемы человека был сделан в 40-е гг. XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом. «Великая научная заслуга Маркса заключается в том, что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что он на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит в не человека. Чтобы существовать, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя необходимые для него вещества из окружающей его внешней природы. Это заимствование предполагает известное действие человека на эту внешнюю природу. Но «действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу»¹⁰. В глазах К. Маркса и Ф. Энгельса человек предстал в качестве деятельного существа, основа его деятельности была усмотрена в производстве материальных благ, создании орудий и средств производства.

В орудиях труда человек приобретает искусственные органы, изменяющие его анатомическое строение. В связи с этим изменяется последующее историческое развитие человека, взаимодействие с природой. Говоря об орудиях труда как определяющем элементе производительных сил, Г. В. Плеханов высказывает важное диалектико-материалистическое положение: «Искусственные органы, орудия труда оказываются, таким образом,

⁹ Там же, с. 635.

¹⁰ Там же, с. 608.

органами не столько индивидуального, сколько общественного человека. Вот почему всякое существенное их изменение ведет за собой перемены в общественном устройстве»¹¹.

Анализ взаимосвязи человека с природой был поставлен на научную основу. В противоположность абстрактно-натуралистическим представлениям предшествующих материалистов развивается взгляд, согласно которому человек есть не просто часть природы, а наиболее активная ее сила, сознающая свою мощь и творческие возможности в производстве предметной среды — очеловеченной природы. «Природа человека» с этого момента связывается с предметной деятельностью, с включением человека в сферу материального производства и материальных отношений. Человек при этом рассматривается не только как объект, но и как субъект предметной деятельности. Производственные отношения, диалектически связанные с развитием производительных сил, являются определяющими в порождении «человеческой природы». Приводя следующее известное положение марксистской социологии: «В общественном производстве своей жизни люди наталкиваются на известные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — **отношения производства**, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка»¹², — Плеханов в последующем изложении и объяснении доказывает, что общественные отношения создаются людьми, они являются формой реальной жизнедеятельности человека.

На противоположных теоретических позициях стояли «друзья народа», пытавшиеся обосновать правомерность так называемой субъективной социологии. Проблема человека оказывается центральной в антропологической философии и субъективной социологии либеральных народников, но решалась она идеалистически, в конечном итоге указанные теоретики не «могли проникнуть в тайну реальных общественных отношений». Имея своими теоретическими предшественниками братьев Бауэров, которые хотя и трансформировали, но не отбросили известный идеалистический тезис «мнения правят миром», либеральные народники доказывали, что изучение природы и общества требует применения различных методов, соответственно, объективного и субъективного.

Субъективный метод предполагал рассмотрение общественных отношений сквозь призму отдельной личности. Субъективизм в их социологии расширяется до антропологизма. Как и в классическом «человековедении» французских материалистов, а

¹¹ Там же, с. 610.

¹² Там же, с. 633.

также Фейербаха, человек рассматривается в характеристиках, применимых к животному царству вообще. «Но человек,— пишет русский марксист,— становится **«субъектом»** только в истории, потому что только в ней развивается его **самосознание**. Ограничиваться рассмотрением человека как члена животного царства — значит ограничиться рассмотрением его как «объекта», упустить из виду его историческое развитие, его общественную «практику», конкретную человеческую деятельность»¹³.

Г. В. Плеханов обращает внимание еще на одну особенность решения проблемы человека домарксистскими мыслителями и его противниками, начиная с социалистов-утопистов и кончая русской «quasi-социологической литературой» либеральных народников, заключающуюся в «злоупотреблении **биологическими** аналогиями»¹⁴. Русский марксист приводит образчик таких аналогий, изложенный в статье анонимного автора «О физиологии в применении к улучшению общественных учреждений». Автор статьи изображает обществоведение как составную часть «общей физиологии». Индивидуумы, с его точки зрения, являются «лишь органами общественного тела», функции которого наука изучает «подобно тому, как специальная физиология изучает функции индивидуумов». «Социальная физиология» и связанная с ней «гигиена», по мнению автора, могут дать некий набор «гигиенических рецептов» социальных преобразований. Подобную точку зрения утверждал родоначальник позитивизма О. Конт, который в «Рассуждении о науках и ученых» писал: «Общественные явления, как явления человеческие, без сомнения, должны быть отнесены к числу явлений физиологических»¹⁵.

Общефилософский анализ проблемы человека, проведенный с диалектико-материалистических позиций, позволил Плеханову научно доказать несостоятельность попыток некоторых буржуазных социологов решить эту проблему в категориях естественных наук. Биология, физиология не могут раскрыть сущность человека, пути его социологизации. Сторонники биологизаторских концепций попадают в круг неразрешимых противоречий. Суть их в следующем. «Социальная физика», имея своей отправной точкой индивидуальную физиологию, должна быть материалистической, поскольку в физиологии нет места идеалистическому взгляду на предмет. Но «социальная физика» одновременно исследует влияние одного поколения на другое посредством суммы знаний, «просвещения». Это является гальванизацией известного идеалистического тезиса «мнения правят миром».

¹³ Там же, с. 673.

¹⁴ Там же, с. 559.

¹⁵ Там же, с. 559—560.

Г. В. Плеханов указывает еще на одно противоречие «социальной физики». Ее апологет О. Конт выдвинул закон трех фазисов развития знаний и, следовательно, человечества. Дать научное обоснование этому закону он не мог и ограничивался лишь ссылками на природу человеческого ума: «По своей природе (*par sa nature*) человеческий ум проходит повсюду, где он действует, через три различных теоретических состояния». Однако индивидуальная физиология, которая как раз и должна подтвердить и объяснить этот феномен, не может этого сделать. «И мы опять сошлемся на «поколения», — пишет Г. В. Плеханов, — а «поколения» отошлют нас к «природе». Это называется наукой, но науки тут нет и следа: тут есть только бесконечное движение в безвыходном круге»¹⁶.

«Злоупотребление биологическими аналогиями» в решении проблемы человека свойственно и либерально-народническим социологам. В частности, Н. К. Михайловский пропагандировал все ту же «общественную физиологию», «анатомическую и эмбриологическую теорию» общественного развития. Показательной в этом отношении является концепция прогресса, предложенная Н. К. Михайловским. При ее несомненной демократической направленности дальше абстрактно-гуманистических положений, «гигиенических рецептов», данных на основании якобы «точных исследований законов органического развития», эта концепция не шла. Известна ее критическая оценка Г. В. Плехановым и В. И. Лениным¹⁷.

Г. В. Плеханов показал специфику марксистской социологии, ее отличие от «социальной физики». Популярно и достаточно убедительно он разъяснял неосновательность последней в ее апелляции к физиологическим процессам: «Раз желудок снабжен известным количеством пищи, он принимается за работу согласно общим законам желудочного пищеварения. Но можно ли, с помощью этих законов, ответить на вопрос, почему в ваш желудок ежедневно отправляется вкусная и питательная пища, а в моем она является редким гостем? Объясняют ли эти законы, — почему одни едят слишком много, а другие умирают с голода? Кажется, что объяснения надо искать в какой-то другой области, в действии законов иного рода»¹⁸.

Такой областью является социальная жизнь человека, законы общественного, исторического развития. Несколькими страницами далее, отвергая претензии социал-дарвинистов на собственное «оригинальное» объяснение сущности и существования человека, Г. В. Плеханов пишет: «Дарвину удалось решить вопрос о том, как происходят растительные и животные виды в борьбе за существование. Марксу удалось решить вопрос о

¹⁶ Там же, с. 561.

¹⁷ Там же, с. 563; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 432.

¹⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 1, с. 664.

том, как возникают различные виды общественной организации в борьбе людей за их существование. Логически исследование Маркса начинается как раз там, где кончается исследование Дарвина». Г. В. Плеханов продолжает: «Дарвин объясняет происхождение видов не прирожденной будто бы животному организму тенденцией к развитию, как это делал еще Ламарк, а приспособлением организма к условиям, вне его находящимся: не природой организма, а влиянием внешней природы. Маркс объясняет историческое развитие человечества не природой человека, а свойствами тех общественных отношений между людьми, которые возникают при воздействии общественного человека на внешнюю природу. Дух исследования решительно одинаков у обоих мыслителей. Вот почему можно сказать, что марксизм есть дарвинизм в его применении к общественному (мы знаем, что хронологически это не так, но это неважно). И это единственное научное его применение, потому что те выводы, которые делали из дарвинизма некоторые буржуазные писатели, были не научным его применением к изучению развития общественного человека, а простой буржуазной утопией, нравственной проповедью очень некрасивого содержания, подобно тому как гг. субъективисты занимаются проповедями красивого содержания. Буржуазные писатели, ссылаясь на Дарвина, в действительности рекомендовали своим читателям не научные приемы Дарвина, а только зверские инстинкты тех животных, о которых у Дарвина шла речь. Маркс сходится с Дарвином, буржуазные писатели сходятся со зверями и скотами, которых изучал Дарвин»¹⁹.

В этом полемически заостренном высказывании, однако, встречается фраза («Марксизм есть дарвинизм в его применении к общественному»), которая как бы контрастирует с пафосом и ориентацией мысли Плеханова. Некоторые исследователи, например, В. А. Фомина, считают, что этим он «допускал уступки социальному дарвинизму, сближая исторический материализм с натурализмом и биологизмом»²⁰. Нам представляется, что для подобных утверждений в данном случае нет оснований. Указанную фразу можно расценить как терминологическую неточность.

В своей работе Г. В. Плеханов не мог обойти старый, но вечно новый вопрос о свободе и необходимости, имеющий непосредственное отношение к проблеме человека и являющийся неотъемлемой ее частью. Марксистское решение вопроса о свободе человека тем более важно было донести до широких масс русских читателей, что он выдавался либеральными народниками решенным единственно верным путем.

¹⁹ Там же, с. 690—691.

²⁰ Фомина В. А. Философские взгляды Г. В. Плеханова. М., 1955, с. 189.

Историко-философский экскурс показал, что французские материалисты, признавая жизненно важное значение свободы для отдельного индивида и общества, не могли дать ей верную оценку. Мыслители XVIII в., отождествляя необходимость и причинность, считали, что в мире существует всепоглощающая причинность, а свободы, соответственно, не существует. Человек в представлении французских материалистов XVIII в. является «игрушкой случайности». «Вот почему этот взгляд в сущности очень безотраден», — делает вывод Г. В. Плеханов.

Созерцательный метафизический материализм не давал возможности раскрыть активность человеческого сознания и, следовательно, понять активность практического действия. Хотя к решению этого вопроса идеалисты применили диалектику, но и они не смогли его разрешить, как не решились, а, наоборот, запутали этот вопрос субъективные социологи из лагеря либеральных народников. Антропологический характер решения проблемы человека оказался теоретической преградой. Апеллируя к человеческой природе как верховной инстанции, либеральные народники объясняли общественные отношения людей их взглядами, следовательно, сознательной деятельностью, которая представлялась им абсолютно свободной. Свободная деятельность исключает, по мнению субъективных социологов, понятие о необходимости. Тем самым на пути научного решения проблемы взаимосвязи свободы и необходимости они воздвигают другое теоретическое препятствие. «Заслоняя понятие о необходимости, представление о свободе само сделалось до крайности тусклым и очень мало утешительным. Выгнанная в дверь необходимость влетала в окно; исходя из представления о свободе, исследователи поминутно наталкивались на необходимость и приходили в конце концов к начальному признанию рокового, неотразимого, ничем не преборимого действия. К их ужасу, свобода оказывалась вечной, беспомощной и безнадежной данницей, бессильной игрушкой в руках слепой необходимости»²¹.

Либеральные народники не поняли диалектического материализма, а материалистическое понимание истории представили как «экономический материализм», утверждающий якобы механическую детерминированность человеческих поступков, желаний и воли. Демократическая и гуманистическая направленность социологии либеральных народников не вызвали сомнения. Всей своей теоретической деятельностью они стремились утвердить активный характер человеческой личности. Однако это благое намерение они пытались реализовать в рамках антропологического решения проблемы человека и метафизической методологии. Активность субъекта рассматривалась вне и независимо от действия каких-либо объективно существую-

²¹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 1, с. 636.

щих исторических закономерностей. Народники не могли понять, что во «взаимные отношения люди становятся под влиянием **объективной** необходимости».

Прочитав некоторые марксистские работы, но не поняв их диалектико-материалистического характера, русские «толкователи» марксистской социологии представили человека игрушкой в руках «экономических обстоятельств». Один из теоретиков либерально-народнической социологии Н. К. Михайловский, вульгаризируя марксистское решение проблемы, писал: «С точки зрения экономического материализма... люди с желаниями и страстями, помыслами и целями представляют собою некоторое игрище всевластной сущности исторического процесса»²². Не в подобных ли утверждениях истоки современных анти-марксистских теорий, доказывающих, что в марксистско-ленинской философии отсутствует решение проблемы человека?

Что это не так, показал еще Г. В. Плеханов. Уже в первых своих марксистских работах он доказывал, что только в марксизме эта проблема получает подлинно научное решение. Естественно, что вопрос о свободе и необходимости, как и другие вопросы, марксизм решает диалектико-материалистически. **«Объективная действительность поможет нам выяснить субъективную сторону истории»**²³ — таково исходное положение марксистской философии в решении проблемы свободы человека и необходимости.

У истоков диалектического решения проблемы свободы и необходимости стояли идеалисты-диалектики. «В их практической философии **необходимость является вернейшим, единственным, надежным залогом свободы**»²⁴.

Субъективные социологи были далеки от диалектического решения проблемы свободы и необходимости и связанной с ней проблемы отношения идеала к действительности. В своих теоретических изысканиях и практических рекомендациях они противопоставляли «идеалы» действительности, отрывая тем самым сознательную деятельность человека от объективной реальности исторического бытия. Г. В. Плеханов указывает, что иначе как дуалистической нельзя назвать позицию «Ахилла субъективной школы» Н. К. Михайловского, противопоставляющего деятельности людей внутреннюю логику форм их общежития.

С позиций материалистического монизма Г. В. Плеханов анализирует взгляды одного из ведущих теоретиков либерального народничества В. Воронцова на развитие капитализма в России и взгляды «ученого профессора истории» Н. Кареева на роль субъективного фактора в истории. Итогом этого анали-

²² Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1909, т. 7, с. 915.

²³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 1, с. 673.

²⁴ Там же, с. 594.

за является вывод: «Отличительная черта «субъективных» мыслителей заключается в том, что «мир должного, мир истинного и справедливого» стоит у них вне всякой связи с объективным ходом исторического развития: здесь — «должное», там — «действительное», и эти две области отделены одна от другой целой пропастью — той пропастью, которая отделяет у дуалистов мир материальный от мира духовного»²⁵.

Задача общественной науки XIX в. состоит в том, чтобы построить мост, соединяющий «действительное» и «должное». Единственно верным инструментом, при помощи которого это строительство может быть осуществлено, является материалистический монизм, утверждающий историческую необходимость развития общественных явлений, диалектику свободы и необходимости.

Раскрывая механизм возникновения и развития диалектической взаимосвязи свободы и необходимости, Г. В. Плеханов пишет: «Наши человекоподобные предки, как и все другие животные, находились в полном подчинении природе. Все их развитие было тем совершенно бессознательным развитием, которое обуславливалось приспособлением к окружающей их среде путем естественного подбора в борьбе за существование. Это было темное царство физической необходимости. Тогда не загоралась даже заря сознания, а следовательно, и свободы. Но физическая необходимость привела человека на такую ступень развития, на которой он стал мало-помалу выделяться из остального животного мира. Он стал животным, делающим орудия. Орудие есть орган, с помощью которого человек воздействует на природу для достижения своих целей. Это орган, подчиняющий необходимость человеческому сознанию, хотя на первых порах лишь в очень слабой степени, если можно так выразиться, — лишь клочками, урывками. Степень развития производительных сил определяет меру власти человека над природой»²⁶. Однако с развитием производства и увеличением власти человека над природой возникает еще один вид необходимости. Плеханов называет ее «экономической необходимостью». Классики марксизма раскрыли механизм отчуждения человека, установив, что причина его в порабощении человека «экономической необходимостью». А это, в свою очередь, дало возможность наметить пути создания такого производства, таких общественных отношений, при которых «оканчивается царство необходимости и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью»²⁷. Г. В. Плеханов неоднократно возвращается к объяснению марксистской точки зрения на решение вопроса о

²⁵ Там же, с. 549—550.

²⁶ Там же, с. 688—689.

²⁷ Там же, с. 690.

свободе и необходимости. Излагает он ее и в работе «Странное недоразумение», являющейся первоначальным вариантом заключительной главы книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»²⁸.

Материалистическое понимание истории вовсе не исключает свободы в деятельности людей, а, наоборот, предполагает ее; марксистская философия впервые становится подлинной философией действия, научно доказывающей, что только «действие (законсообразная деятельность людей в общественно-производительном процессе) объясняет материалисту-диалектику историческое развитие разума общественного человека»²⁹.

Считая, что социальная действительность, «экономическая необходимость» не должна приниматься во внимание в свободном «творчестве» идеала, согласно которому эта действительность будет развиваться, социологи-субъективисты «объявляют неотвратимым законом истории свое собственное построение»³⁰. Исходя из этого не «сущее», а «должное» становится центром их социологии и объектом утопических теорий.

«Последователи научного социализма, — констатирует Г. В. Плеханов, — исходят из сознания исторической необходимости и опираются на ее силу»³¹. В другом месте, продолжая характеристику марксистской социологии, он подчеркивает, что диалектический материализм «не только не стремится, как это предписывают ему противники, убедить человека, что нелепо восставать против экономической необходимости, но он впервые указывает, как справиться с нею. Так устраняется неизбежный фаталистический характер, свойственный материализму метафизическому»³².

Марксистское решение проблемы человека опирается на анализ реального бытия человека как субъекта истории, включенного в общественные отношения: «Человек не в одиночку ведет борьбу с природой: с ней борется, по выражению Маркса, общественный человек (*der Gesellschaftsmensch*), т. е. более или менее значительный по своим размерам общественный союз. Свойства общественного человека определяются в каждое данное время степенью развития производительных сил, потому что от степени развития этих сил зависит весь строй общественного союза»³³. Это позволило понять классовую характеристику как одну из важнейших детерминант социального бытия человека. Говоря о развитии общественных отношений, русский марксист указывает: «Можно без преувеличения сказать, что мы ничего не поймем в этом развитии, не приняв

²⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1937, сб. 4, с. 13—14.

²⁹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 1, с. 692.

³⁰ Там же, с. 691.

³¹ Там же, с. 628.

³² Там же, с. 691.

³³ Там же, с. 689.

в соображение классовой борьбы»³⁴. Весьма плодотворна и другая мысль Г. В. Плеханова, высказанная по этому поводу: «С появлением классов противоречие (имеется в виду противоречие между классами.— *Б. Е., А. Е.*) становится не только двигающим, но и доминирующим началом»³⁵.

Подобный подход дал возможность научно решить целый ряд вопросов, относящихся к проблеме человека. Первый из них — вопрос о соотношении выдающейся личности («героя») и народной массы («толпы»). Субъективная социология либеральных народников, как известно, противопоставляла толпу и героя, «воображая, что толпа есть не более, как совокупность нулей, значение которых зависит от идеалов становящегося во главе ее героя»³⁶. Г. В. Плеханов отменяет обвинения «друзей народа» в том, что в историческом материализме нет места для «роли личности в истории». В первоначальной редакции заключительной главы книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» русский марксист называет подобное утверждение вздором. Он пишет: «Законы общественного развития так же мало могут действовать помимо личности, как законы природы помимо материи. Это не значит, конечно, что личность может устранить действие законов общественного движения с помощью той или иной «субъективной» выдумки. При ближайшем рассмотрении оказывается, что происхождение даже самых нелепых из самых «субъективных» выдумок объясняется действием законов общественного развития»³⁷.

Материалистическое понимание истории утверждает решающую роль народных масс, производителей материальных и духовных ценностей. Человек труда, если брать отдельную личность, пролетариат, если говорить о классе, определяет своей деятельностью социальный прогресс. Перед русскими марксистами встала задача активизировать социальную деятельность людей труда, сплотить их в борьбе за утверждение новых общественных отношений, ликвидирующих все формы эксплуатации человека человеком. Г. В. Плеханов констатирует: «Современный диалектический материализм стремится к устранению классов; он и появился тогда, когда это устранение сделалось исторической необходимостью. Поэтому он обращается к производителям, которые должны сделаться героями ближайшего исторического периода. Поэтому, в первый раз с тех пор, как наш мир существует и земля обращается вокруг солнца, происходит сближение науки с работниками: наука спешит на по-

---

³⁴ Там же, с. 660.

³⁵ Там же, с. 666.

³⁶ Там же, с. 693.

³⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1937, сб. 4, с. 12.

мощь трудящейся массе; трудящаяся масса опирается на выводы науки в своем сознательном движении»³⁸.

Особо следует отметить значение критики Г. В. Плехановым неокантианской концепции человека, получившей внутри буржуазной и ревизионистской идеологии конца XIX — начала XX в. достаточно широкое признание. Политический вред этой антинаучной концепции был ощутим. Рост рабочего движения, распространение марксизма меняют облик буржуазной философии в сторону усиления идеалистической реакции, неверия в общественный прогресс, эпитонства. С социально-политической точки зрения появление и широкое распространение неокантианства есть не что иное, как проявление реакции на марксизм. Подтверждением этому может служить тот факт, что именно философия неокантианства стала основой ревизионизма и оппортунизма. В начале XX в. неокантианство широко распространяется в социал-демократии, проникает во II Интернационал. Многие теоретики II Интернационала не понимали опасности неокантианства и примиренчески относились к нему. Так, К. Каутский в одном из писем Г. В. Плеханову писал: «Неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством»³⁹.

В статье «О мнимом кризисе марксизма» Г. В. Плеханов убедительно показал, что философской основой ревизионизма и оппортунизма является неокантианство. Анализируя социальные корни этого течения, Г. В. Плеханов показал, что поворот к философии Канта есть не что иное, как поворот в сторону буржуазной точки зрения, направленной против научного социализма. Он писал: «Отречение г. Бернштейна от материализма, его стремление вернуться к Канту, являются вовсе не простыми ошибками философского ума (если только можно говорить о философском уме г. Бернштейна), нет, они являются естественным, неизбежным и ярким выражением его нынешних социально-политических тенденций. Тенденции эти могут быть выражены в словах: сближение с передовыми слоями буржуазии»⁴⁰.

Условно можно выделить три основных направления плехановской критики неокантианства: 1) критика данного направления в «чистом виде» (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Кроче); 2) критика неокантианских основ ревизионизма и оппортунизма (многочисленные статьи, направленные против Э. Бернштейна, П. Эрнста, К. Шмидта). Именно здесь Г. В. Плеханов

³⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 1, с. 693—694.

³⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1938, сб. 5, с. 265.

⁴⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 2, с. 387.

особенно глубоко раскрывает социальную сущность и классовые корни неокантианства; 3) критика неортодоксального неокантианства в России, где его идеи были использованы народниками, «экономистами», «легальными марксистами» (П. Б. Струве, Н. К. Михайловский и др.).

Наследие Г. В. Плеханова с точки зрения критики им неокантианства недостаточно проанализировано. Особенно слабо исследована критика Г. В. Плехановым неокантианской концепции человека. Между тем, как и в системе самого Канта, проблема человека в неокантианстве занимает значительное место. Правда, в данном случае неокантианцы оказались наиболее «непоследовательными кантианцами». Кантовское решение проблемы человека претерпело здесь довольно значительную трансформацию, прежде всего в сторону крайнего субъективизма и индивидуализма. Целостная постановка проблемы человека у Канта, его попытка показать необходимость всесторонней, свободной деятельности человека сводится в неокантианстве к одному из аспектов человеческой деятельности, в котором замыкается его сущность — нравственному, эстетическому или познавательному.

Плехановская критика направлена прежде всего против субъективистского решения проблемы человека в неокантианстве, на утверждение марксистского подхода к данной проблеме. Возражая против субъективистского заявления К. Шмидта о том, что экономика общества есть только проявление человеческой природы и что сама человеческая природа есть высшее синтетическое единство, основа, на которую опирается действие всех других факторов исторического развития, Г. В. Плеханов пишет: «Чтобы понять ложность этого взгляда, достаточно спросить себя, каковы те силы, благодаря которым природа человека переходит от одних форм к другим. Каковы те силы, благодаря которым природа американского янки так глубоко отличается от природы краснокожего? Эти силы, каковы бы они ни были, лежат, очевидно, не в природе человека»⁴¹.

Это положение имеет большое значение для понимания Г. В. Плехановым сущности человека. Он показывает, что, с точки зрения материализма К. Маркса, природу человека определяет не его внутренняя индивидуальная основа, а факторы, находящиеся вне самого индивида, — уровень развития производительных сил, который обуславливает отношения людей в обществе и отношение человека к природе. Главным вопросом, по мнению Г. В. Плеханова, является не вопрос о том, что есть «эманация» человеческой природы (экономика, нравственность, культурные ценности и т. д. в неокантианстве), а в том, почему одна «эманация» отличается от другой и чем обусловлено это различие. С точки зрения неокантианства, главным в чело-

⁴¹ Там же, с. 344.

веческом бытии является сфера индивидуального. Г. В. Плеханов с последовательно материалистических позиций выступает против такой трактовки человеческой природы, рассматривая человека как общественное существо, образ жизни которого определяется его средствами существования, а они, в свою очередь, зависят от состояния производительных сил, находящихся в распоряжении общественного человека, т. е. общества⁴².

Неокантианцы выступают против фундаментального положения марксизма о социальной обусловленности человеческой природы, обвиняя марксизм в том, что он лишает человека деятельности, творчества, что, по их мнению, является следствием распространения материализма на область общественных отношений. Так, В. Виндельбанд, называя марксизм «величайшим учением современности», обвиняет его в том, что марксизм распространяет материализм на сферу социальных явлений. Социальные же явления, изучением которых занимается философия, не могут быть объяснены путем научного познания: «Задачи,— пишет Виндельбанд,— которые ставят себе философы и притом не попутно, а считая их своей главной целью, ни в коем случае не могут быть разрешены путем научного познания»⁴³. Задача философии — проникновение в «нормальное сознание», которое является идеалом, господствующим над человеком. Не отношения людей в процессе производства определяют их социальную природу, а правила логической, этической, эстетической оценки, устанавливаемые философией, а также «необходимость, заключающаяся в долженствовании и непозволительности иного»⁴⁴. Итак, выступая против приписанного К. Марксу «экономического фатализма», который, по мнению неокантианцев, делает человека «живым агентом исторической силы», лишает его какой бы то ни было свободы, неокантианцы видят в человеке «агента» других сил — этических, культурных ценностей, «нормального сознания», «долженствования» и т. д. «В сферу нашего опыта,— утверждает Виндельбанд,— свет идеала проникает лишь немногими лучами и убеждение в реальности абсолютно нормального сознания есть уже дело личной веры, а не научного познания»⁴⁵. Под «нормальным сознанием» неокантианцы понимают систему норм, которые должны применяться в общественной жизни, но еще до конца не применяются. Таким образом, жизнь людей определяется властвующими нормами, лежащими в основе научной, нравственной, эстетической жизни, и регулируются они не законами общественного развития, а идеалами, которыми должна измеряться «ценность всякой эмпирической действи-

⁴² Там же, с. 343.

⁴³ Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904, с. 3.

⁴⁴ Там же, с. 34.

⁴⁵ Там же, с. 44.

тельности». Здесь прослеживается свойственный всему неокантианству идеалистический отрыв ценности от ее объективного содержания, ибо само понятие «ценность» становится абстрактным принципом, регулирующим явления общественной жизни. Такая позиция ведет к отрицанию социальной обусловленности человека, так как в качестве исходной позиции для решения проблемы человека неокантианцы предлагают набор тех или иных ценностей, с которыми должна соотноситься его человеческая сущность. Степень усвоения этих ценностей и определяет природу человека. Следовательно, образ жизни человека определяет не его бытие, не социальные отношения, а некие идеальные нормативы, которые он должен усвоить. Определение человека через систему ценностей вырывает его из исторического процесса развития общества, из материальных условий его существования.

Таким образом, поскольку само общество базируется не на определенном общественном строе, а на нравственном идеале (одна из посылок «этического социализма»), то и человек стремится к вечно недостижимому идеалу, человек оказывается раздвоенным; с одной стороны, он является частью общества, с другой — человек — «нравственная личность», которая подчиняет себе живого реального человека.

Постановка вопроса о ценностях принадлежит самому Канту. Он рассматривал человека, связанного со сверхчувственным миром нравственного должностования, в отличие от чувственного мира явлений. Но в неокантианстве дуалистическая постановка проблемы человека доведена до крайнего субъективизма. Без оценки того или иного события, по мнению неокантианцев, человек ничего не сможет познать в мире явлений, тем более — исторических, для которых характерна индивидуальность и неповторимость. В рецензии на книгу Г. Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» Г. В. Плеханов подвергает критике неокантианское понимание ценности, которая трактуется в идеалистическом духе как априорно постулируемая общезначимость: «Неоспоримо, что каждый историк сортирует свой научный материал — отделяет существенное от несущественного — с точки зрения известной ценности. Весь вопрос в том, какова природа этой ценности. А на этот вопрос совсем нельзя ответить тем утверждением, что в данном случае ценность принадлежит к категории культурных ценностей»⁴⁶. В марксистском понимании существенно то, что помогает установить причину и связь явлений действительности. Объявив исторические, общественные процессы индивидуальными и неповторимыми, неокантианцы основным предметом исследования объявляют исследование свободной, целеполагающей деятельности человека. Но вопрос о человеческой деятельности они ре-

⁴⁶ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 2, с. 515.

шают в субъективно-идеалистическом духе, рассматривая ее только как духовную деятельность. Источником знания является не деятельность по преобразованию окружающей действительности, а функция мысли. Деятельность — это не материальное отношение человека к действительности, а мера осознания нравственного идеала. Отсюда и отношение к общественному прогрессу. Прогресс понимается в качестве бесконечного духовного движения к идеалу, бесконечного движения к конечной цели. Марксизм, по утверждению неокантианцев, исключает всякую возможность регулировать общество нравственными законами, т. е. обрекает человека на пассивность и бездеятельность. Неокантианское понимание деятельности человека сводится к построению им логических конструкций, конструированию действительности, окружающей его среды. Между тем «социальная среда имеет свои собственные законы развития, которые вовсе не зависят от человека»⁴⁷. Следуя Канту, который считал, что убежденность человека в свободе, боге и бессмертии будет способствовать его деятельности и нравственному совершенствованию, неокантианцы также рассматривают деятельность человека как трансцендентную, мотивы этой деятельности лежат не в исторической действительности, а в сверхчувственном мире нравственных идеалов. Человеческая деятельность трактуется крайне абстрактно. Так же абстрактно трактуется и индивидуальная свобода или свобода индивида, которому в неокантианстве отводится значительное место (вопрос о сущности человека как свободного и деятельного существа — один из основных вопросов философии Канта, поэтому его последователи не могли не затронуть его в своих философских построениях). Необходимо отметить прежде всего то обстоятельство, что неокантианцы абстрагируются от вопросов «свобода для чего?» и «свобода от чего?» Рассматривая свободу как высшую ценность, как независимость волеизъявляющего индивида от чего-то внешнего, неокантианцы, естественно, должны были противопоставить этому понятию другое — понятие нравственной необходимости.

Г. В. Плеханов показывает, что только исторический материализм может решить вопрос о соотношении свободы и необходимости. Только сознательное и свободное выражение необходимости обуславливает свободную деятельность человека, которая не может быть абстрактной деятельностью и включена в ту или иную цепь событий. Критикуя субъективно-идеалистический подход к проблеме соотношения свободы и необходимости, с позиций последовательного марксиста, Г. В. Плеханов подчеркивает, что свобода невозможна без активной преобразующей деятельности людей. «Субъективно-идеалистический взгляд на историю («мнения правят людьми»), — писал

⁴⁷ Там же, с. 78.

он,— по-видимому, отводящий такое широкое место свободе человека, на самом деле представляет его игрушкой случайности»⁴⁸. Свободная деятельность людей, будучи сознательным выражением необходимости, предполагает прежде всего изменение социальных условий жизнедеятельности человека, познание же необходимости может только усилить энергию человека. его деятельность по преобразованию внешних условий существования.

Г. В. Плеханов неоднократно показывал в своих работах, направленных против ревизионизма и оппортунизма, что неокантианская философия, послужившая основой для этих течений, есть философия компромисса, это не философия людей действия. Он отмечает, что «кантианизм приветствовали при первом уже его появлении, как самое лучшее оружие для борьбы против материализма»⁴⁹. Подхватив идеи своих западных вдохновителей, с середины 90-х гг. против марксизма с позиций неокантианства в России выступают Введенский, Лапшин, Челпанов, Струве, Булгаков, Туган-Барановский и др. Различия же во взглядах русских и немецких неокантианцев на природу человека не существенны. Предметом исторического исследования здесь тоже является жизнь человека, которая подчинена общечеловеческим психологическим законам, свобода человека рассматривается как свобода воли отдельного индивида, а сам человек — как единственная реальность, направляющая действие общественных процессов. В русском неокантианстве широкое распространение получила субъективно-идеалистическая идея «критически мыслящих личностей», которые являются творцами истории. Неокантианство в целом не в состоянии объяснить законов общественного развития, поэтому человек в неокантианстве вращается в замкнутом кругу норм и ценностей.

Критика Г. В. Плехановым неокантианства как в России, так и на международной арене имеет большое теоретическое и методологическое значение. В результате этой критики была показана вся несостоятельность попыток оппортунистов и ревизионизма «подправить» марксизм с помощью неокантианства. Г. В. Плеханов одним из первых марксистов показал классовый характер этой философии. В рецензии на книгу Г. Риккерта он пишет: «... Риккерт и подобные ему ученые из рук вон плохо понимают исторический материализм не по каким-нибудь личным причинам, а потому что их умственный кругозор ограничен предрассудками, свойственными целому классу...»⁵⁰. Г. В. Плеханов блестяще показал, что философия неокантианства не дала, по существу, ничего нового и ценного. С помощью

⁴⁸ Там же, т. 1, с. 552.

⁴⁹ Там же, т. 2, с. 439.

⁵⁰ Там же, с. 510.

этики Канта его эпигоны пытались обосновать «этический» социализм, направленный против научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса, выхолостить революционное содержание философии марксизма. В полемике с неокантианством Г. В. Плеханов отстаивал единство и целостность философии марксизма. «Единственным марксистом,— писал В. И. Ленин,— в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов»⁵¹.

---

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 20.

СОДЕРЖАНИЕ

Гайда А. В., Корчемкин С. Е., Ослоповских Л. Ф.	Проблема человека в период формирования диалектико-материалистической философии	3
Мосоров А. М.	Обоснование К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектико-материалистической концепции человека	22
Мосоров А. М., Гайдурова Т. Г.	Развитие К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектико-материалистической концепции человека	49
Лившиц В. Л.	Проблема человека в трудах В. Либкнехта, В. Бебеля, П. Лафарга, Ф. Меринга	69
Емельянов Б. В., Евтушенко А. В.	Г. В. Плеханов о проблеме человека (историко-философский анализ)	79
Любутин К. Н., Шашков Н. И.	В. И. Ленин и дальнейшее развитие диалектико-материалистической концепции человека	100
Бондарь А. В., Любутин К. Н.	Философские проблемы изучения человека в современной марксистско-ленинской литературе	115